

Александр Филатов-Тоцкий

Люблю простор,
объятый клевером

СТИХИ

Александр Филатов-Тоцкий
**Люблю простор, объятый
клевером. Стихи**

«Издательские решения»

Филатов-Тоцкий А.

Люблю простор, объятый клевером. Стихи / А. Филатов-Тоцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858464-0

Александр Николаевич Филатов — оренбуржец. Работал учителем, художником-оформителем, журналистом, служил в армии. «Люблю простор, объятый клевером» — новая книга стихов автора, известного по сборникам поэзии и прозы, изданным в Челябинске, Калуге, Оренбурге и Москве. Член Союза писателей России, лауреат конкурса им. Валериана Правдухина.

ISBN 978-5-44-858464-0

© Филатов-Тоцкий А.
© Издательские решения

Содержание

«Мелеют реки, леса редуют...»	6
У памятника военнопленным	7
Сенокос	8
«Вечер ловит лихо звёзды на блесну...»	9
О хлебе и солдатах	10
Плата	11
У обелиска	12
Пехота	13
Бабушка	14
«Дух степной настоян на клубнике...»	15
«Экзамены, экзамены...»	16
«Мы – одни, и всё прекрасно в мире...»	17
«Мой город нелюбимый...»	18
«Распушились воробьи – ветерок...»	19
«Вырвалось солнце из плена...»	20
«Нет лучшего ночлега, чем в чилиге...»	21
«Зелёный вечер декабря...»	22
«Красна холодком молодая осень...»	23
Проводы в армию	24
«Зубами щёлкая, как волк...»	25
Люблю	26
«Не вините жену офицера...»	27
Старшина	28
«Маленькая. Школьница почти...»	29
«Ах, как долго до Грозного письма идут!..»	30
Звёзды	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Люблю простор, объятый клевером Стихи

Александр Филатов-Тоцкий

© Александр Филатов-Тоцкий, 2018

ISBN 978-5-4485-8464-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Филатов-Тоцкий

«Мелеют реки, леса редуют...»

Мелеют реки, леса редуют.
Закат над полем тревожно рдеет.
Грехи, ошибки закат прощает,
Но лёгкой жизни не обещает.

Эпоха взлёта стекла и стали:
Бетон – в почёте, бревно – в опале.
И не туманом полна лощина,
А гарью личной автомашины.

Канал проложим, а вдоль – аллеи...
Но очень быстро душа мелеет,
Когда бетонно, когда железно
Во все живое эпоха влезла.

А я – останусь в родимом поле
С мечтою светлой о лучшей доле.
Беречь я буду гнездо синицы —
Она вернется и удивится!

У новой жизни – свои законы:
Редуют травы, редуют кони...
Но птица глянет в мою аллею,
Когда бетоном
Переболею.

1977

У памятника военнопленным

Оренбуржье далеко от Австрии...
Пленными они пришли сюда.
Серый обелиск усыпан астрами —
Ни примет больше, ни следа.

Надпись есть: «От гарнизона Тощого
Жертвам Первой мировой войны...» —
Было время – бились на смерть – кто кого?
Стало ясно – кто... Со стороны.

Сколько иноземцев похоронено
В землях наших посреди Руси!
Всё простила пленным наша Родина —
Им бы свою Австрию простить.

Сенокос

...А сенокосы мой отец любил!
Заранее готовился к походу
И, не жалея, затемно будил:
«Вставай, сынок! Успеть бы до восхода».

И вот – луга,
И веселящий звон
Запутывался в сочном туготравье —
Богатое корове сено справим!
Замах, ещё...
Куда девался сон!

И новый шаг,
И новый взлёт косы,
А впереди трава – опять стеною.
Сверкала рать кольчугою росы
И похвалялась силою земною.

Завидовал я выдержке отца —
Он шёл и шёл,
Весёлый и упрямый.
Я – уставал,
Пот смахивал с лица,
На кочках спотыкался
И на ямах.

Мне не хватало воздуха, воды:
Нагнать отца – задача непростая!
Он споро шёл и ровно клал ряды,
И улыбался – этот наверстает!

...До сумерек качал нас мерный свист.
И, наконец: «Всего не перекошишь —
Хорош!
Насобирай смородный лист —
Чай заварю, хлебнёшь – ещё запросишь».

А каша до чего вкусна сливная!
До сенокоса не едал такой...
Лежал я у костра, запоминая
Его тепло
Озябшею рукой.

«Вечер ловит лихо звёзды на блесну...»

Вечер ловит лихо звёзды на блесну.
Сонная лосиха вспомнила весну.
Тихо шевелится тёмная куга.
Кони из тумана вышли на луга.

Звякну я щеколдой и – на сеновал!
Бог ли нашей бабушке слух отменный дал?
Скажет: «В печке – каша, в сенцах – холодец...
Долго ты, однако, шлялся, молодец».

Поворчит для вида, больше не уснёт.
А петух в сарае хрипло запоёт.
...Молоко парное в кринке принесла...
Ничего на свете нет сильнее сна!

О хлебе и солдатах

Было хлеба очень мало
В ту всеобщую беду.
Горько вслед смотрела мама —
Я к солдатам есть иду.

Липла малышня к столовке,
Отвести не в силах глаз
От краюхи и перловки —
Побороть такой соблазн!

Всех гуртом за стол широкий
Размещала нас братва.
Кашу, хлеб за обе щёки
Уплетали – не ботва!

А теперь – иное время,
Не крапива-лебеда...
Но, мне кажется, добрее
Был я именно тогда.

Плата

За пшеницу – дома половину,
За Отчизну милую – отца,
За отцом и мать – в сырую глину...
Той войне
Платили без конца
Четверо сирот.

Грудной четвёртый,
Маленький, бледнее потолка,
Никогда не пивший молока,
В зыбке тихо жил,
Как будто мёртвый.

Старшая сестра, ещё подросток,
Выплакав все слёзы наперёд,
Как могла, из горя и коросты
Вывела свой маленький народ.

Сберегла детей!..
Спасибо тётке
Да родным, которых – полсела,
Да тому – в шинели и пилотке
Парню с фронта, с кем судьба свела...

Тяжела войне минувшей плата
Той семье из четырёх сирот,
А в село вернулись три солдата...
Сколько ж заплатил за мир
Народ?!

У обелиска

...Вот он пришёл
И у порога
Застыл
И сделать шаг не смог.
Старушки вспомнили про Бога —
Солдат сказал: «И Он помог».

Да, видно, счастье есть на свете:
Не затеряться на планете,
Сквозь беды отыскать любовь...

За всю-то жизнь, за всю-то боль
Пришло последнее свиданье,
Пришло у жизни на краю,
И пусть оно для всех – страданье,
Шептал солдат: «Благодарю...»

А после вышел к обелиску,
Присел на серый пьедестал
И долго-долго
В длинном списке
Свою фамилию
Читал.

Пехота

Что тяжелее той работы,
Когда солдат на слово скуп?
Окапывается пехота...
Щетина снега.
Горечь губ.

...Когда зависит от окопа,
Что отрываешь для себя,
Судьба войны,
судьба Европы
И человечества судьба.

Бабушка

Памяти Л. И. Бакльковой

На всех она работала,
за всех она страдала,
За всех одна молилась
с усердием благим.
Её избушка древняя
такое повидала,
Что стала серой, горькой
и лёгкой, словно дым.

Старушку гнули беды,
старушку гнули годы...
Но ходит ежедневно
на речку за водой.
И просит у природы
дождей на огороды,
И ничего не просит
у жизни молодой.

«Дух степной настоян на клубнике...»

Дух степной настоян на клубнике,
На ветрах ковыльных и родстве
Всех существ реликтовой глубинки,
На озёрном рыбьем озорстве.
Ветерок кривит прямые сосны
В зеркале небесно-голубом.
Жить в бору на удивленье сносно
Можно при нашествии любом.
Хорошо отведать ягод свежих,
Не истратив медного гроша...
Прописаться родственником леших,
И за всё расплатится душа.

«Экзамены, экзамены...»

Ю. Бледных

Экзамены, экзамены...

Сирень.

Отец берётся чаще за ремень.

Но

Не запоминает голова

Английские холодные слова.

Экзамены, экзамены...

И мать

Вмиг разучилась сына понимать.

Друзья мои зубрят на берегу,

Я тоже на Песчанку побегу!

Экзамены, экзамены...

Окно.

В районном клубе – новое кино.

Учебники,

Летите под кровать —

Никто не может знать

Предмет «на пять»!

Экзамены, экзамены...

Цветы.

Билет не тот,

И рушатся мечты!..

Из класса в класс

Непросто перейти.

А жизнь – экзамен главный —

Впереди!

«Мы – одни, и всё прекрасно в мире...»

Мы – одни, и всё прекрасно в мире,
Счастлив мир, когда любовь цветёт.
Он раздвинул горизонты шире
И душевный разговор ведёт.

Разговор о том, что будут люди
Все, без исключения, хороши,
Если все когда-нибудь полюбят
Так, как мы, – навек и от души!

Разговор о том, что будут дети —
Наши дети будут лучше нас...
Что, наверно, лучший класс на свете —
Это наш десятый дружный класс.

Юный мир наивен и понятен,
Прост и весел – важничай, балуй:
Поцелуй не оставляет пятен,
Если это первый поцелуй.

«Мой город нелюбимый...»

Мой город нелюбимый,
Привет тебе, привет!
Мне жить необходимо,
Но счастья в жизни нет.

Я, никому не нужен,
Бегу по декабрю.
Я кашляю – простужен,
И «Приму» я курю.

Трещит по швам, скукожен
Мой первый пиджачок.
Ещё не вышел рожей
Для мира мужичок...

Но верный путь Отчизны,
Как знамя, впереди...
«Нет счастья в личной жизни!» —
Синеет на груди.

«Распушились воробьи – ветерок...»

Распушились воробьи – ветерок.
После длительной пурги нет дорог.
Вековечная в бору тишина.
Живность спряталась в нору – не слышна.
Солнце где-то меж стволов вдалеке.
Всё тепло в моей руке – в кулаке!
Размахнусь и по сосне кулаком...
Сверху скатится весна кувырком.
Хватит снежить и студить хуторок!
Тяжко жить нам, может быть, без дорог.

«Вырвалось солнце из плена...»

Вырвалось солнце из плена,
И подсыхают поля.
На три весёлых колена
Больше распев соловья.

Захлопотали у вербы
Бабочки, мухи, шмели.
След и следочек уверенно
К горке цветущей прошли.

Если очнулась чилига,
Зарозовела, к тому ж, —
Точно закончилось иго
Наших сомнений и стуж.

«Нет лучшего ночлега, чем в чилиге...»

Нет лучшего ночлега, чем в чилиге,
Когда цветёт. А всё вокруг цветёт!
И каждый миг, и в каждой дольке мига
Мне стало слышно – как трава растёт.

Я сам расту до самой глуби бездны,
Обняв весь мир, который не обнять.
А надо мной – один закон железный:
Я должен жить и всё вокруг понять.

Вокруг меня сверкающие звёзды
По лугу поднебесному цветут...
Я пью до дна родной здоровый воздух,
Мне хорошо, ведь я родился тут!

Свободен я от зла и потрясений,
Прозрачны мысли в ясной тишине...
И безмятежный крепкий сон весенний
Любые тайны открывает мне.

«Зелёный вечер декабря...»

Зелёный вечер декабря
И звёздочка золотая.
Мой краткий день мелькнул не зря
И навсегда растаял.

Мой краткий век мелькнёт, как день,
Как искорка во мраке.
Лишь гуще потемнеет тень
В заброшенном бараке.

Здесь жизнь была – свежа, юна,
Восторженно кипела!
Певичка Тоня... Здесь она
Нам пела, как хотела.

Мелькают кадры бытия
От Чаплина до Чапман.
Не зря, конечно, жил и я
По совести и штампам.

Но почему не уйду
В пучину невозврата?
Зелёным небом дорожу
И звёздочкой из золота?

«Красна холодком молодая осень...»

Красна холодком молодая осень.
Светло человек улыбнулся липе.
Шуршащей листвы напугались лоси,
А в гуще куста – шорохи и всхлипы.

Рябины огонь и грибов соцветья —
Всё праздник для глаз в сентябре весёлом.
Но – быстро, легко сиротеют ветви,
И в стужу зверьё осмелеет к сёлам.

Весь день, как пожар, словно вечер долгий.
Вот встал на дыбы месяц – бык рогатый.
Не звёзды его догоняют – волки...
В слезах от вина пастух бородатый.

Проводы в армию

«На гармошку новую
Кину шаль бордовую;
Если я не черноброва,
Найди чернобровую...»
У девчонки
У бедовой
Голос словно бы игла:
Пареньку
Её частушка
Болью сердце обожгла.
На селе печаль не в моде.
Гармонист,
А ну, наддай:
Ноги так в чечётке ходят,
Что попробуй —
Совладай.
Мама смотрит на сыночка, —
Ей поплакать бы в тиши,
А родня кричит:
«Хоть строчку,
Но в неделю нам пиши!»

За столом гулянью тесно,
И, хозяйке не в укор,
Выпирают, будто тесто,
Пляска, гости —
На простор!

«Зубами щёлкая, как волк...»

Зубами щёлкая, как волк,
От песни, холода и глада,
Стремлюсь понять красу и толк —
Всю соль военного парада.

А голос выбивает дурь
И оставляет строй и песню.
А на плацу блестит глазурь —
Руби, солдат, пока не треснет!

И я рублю, и песнь летит...
То выйдет слово, то – полслова,
А завтра – снова, снова, снова...
У службы – зверский аппетит!

Люблю

Люблю простор, объятый клевером,
И ширь небесную озёр,
След ветерка по лугу веером,
Когда выходим мы в дозор.
На раздорожье у избышки,
Там, где шумят березняки,
Лосёнок выпросит горбушку
И нас проводит до реки...
Земля солдату сердце радует:
В цветке гудит трудяга-шмель,
И оттого, что в небе радуга,
Не тяжела моя шинель.

«Не вините жену офицера...»

Не вините жену офицера,
Если вдруг соберёт чемодан.
Вера в счастье – нелёгкая вера,
Как талант,
Что не каждому дан.

Ночь ветрами вокзала играла —
Укачала фонарь и перрон.
...Ревновала, грозила, ругала:
– Никогда не вернусь! Солдафон!

Не судите жену офицера —
В городок повернула, домой.
Мера верности – женская мера,
Только ей и понятна.
Одной.

Старшина

Он служил не за награды,
Обошли его чины:
«Лишь бы дети были рады...
Лишь бы не было войны!»

Отслужил. Незаменимых,
Как известно, просто нет.
Он, счастливо-несчастливый,
Сдал на склад свой пистолет.

Улыбнулся строю грустно,
Нам ни слова не сказал.
Без него не будет пусто
Здесь, в строю, он это знал.

Все ж нашёлся:
«Аккуратней
Прибирайте на плацу».

Что не радуешься, ратник?
Нам кручина – не к лицу!
На «гражданке» много дела
И забот – невпроворот.
...Рота вслед ему глядела.
Тихо шёл он до ворот.
Оглянулся – слёзы!
Что ты?..

Понимала тишина:
Жить спокойно,
Жить без роты
Не сумеет
Старшина.

«Маленькая. Школьница почти...»

Маленькая. Школьница почти.
На худых ручонках – нитки жилок.
Только – медсестра она, учти.
Как хранитель, дышит мне в затылок.
Словно ангел в белом надо мной,
Что-то говорит, а я не слышу.
Стук в висках – домой, домой, домой
Целым под родительскую крышу!
Словно мать, сидит со мной всю ночь.
И в минуты редких прояснений
Гонит горе и сомненья прочь,
Бережет от зла и потрясений.
И сквозь бред – лицо её, как луч
Солнечный, весёлый и приятный...
Медсестра, возьми от сердца ключ
И не возвращай его обратно.

«Ах, как долго до Грозного письма идут!..»

Ах, как долго до Грозного письма идут!
Да ещё иногда затеряются тут.
Почтальоны в горах никого не найдут,
А найдут, так слова нам сердца обожгут —
В каждой строчке родной беспокойство сквозит...
Ничего. Я живой, лишь немного знобит.
Я весёлый такой – я хирургом зашит,
И ещё голос мой в тишине зазвенит!
Мы вернёмся домой – нам война не нужна.
Будешь ты молодой, дорогая жена.
Будем жить хорошо! И надеяться, ждать...
Только нечем ответ мне тебе написать.

Звёзды

Морозы сбежали на север.
На радость капли вечерней
на северном склоне сарая
вода из-под снега течёт.

Задумчивый, словно Коперник,
в порядок весь мир собирая,
приятными делаю звёзды...
И все же одну не понять!

Летит она, слабо мерцаю.
Летит, презирая орбиты.
Летит, словно символ свободы,
которой не видел никто.

Порядок звездою нарушен,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.